

№449 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ДОЛГОЙ ПОСРЕДНИКОВ!

Если нынче спросить у первого встреченного богомольца, направляющегося в храм: какая самая большая проблема в современной Церкви? - ответы будут разными до противоположности. Кто-то скажет - уклад церковный слишком **заскорузлый, устаревший**. Иной - наоборот, увидит **модернистские** нотки в жизни нового поколения христиан, и этим будет обеспокоен. Найдутся и те, которые сведут все беды к бедности, дескать, вот больше бы денег на семинарии, библиотеки, монастыри, строительство храмов!

К сожалению, редко кто обращает внимание на главную проблему – дефицит доброты, отзывчивости. Или кто всерьёз воспринимает слова апостола Павла: «...*Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто...*» (1Кор.13,1-2).

Пережитки язычества – также немалая проблема, особенно в традиционных церквях – православной и католической – тот же фетишизм – придание сакрально-магического значения «святым местам», ладанкам, иорданской водичке, земельке иерусалимской, тряпочкам, принадлежавшим святым людям и прочему.

Также большой проблемой в нашей Церкви является придание пресвитерам и епископам статуса священников-жрецов, как **посредников** между людьми и Всевышним.

В язычестве и иудаизме - там действительно **были** посредники – и священники, и первосвященники. Но мы, ведь – христиане, по крайней мере, идентифицируем себя с Церковью Христовой. Никаких посредников между нами и Богом нет и быть не должно. Функции жрецов, приносящих жертвоприношения Господу переданы **каждому** из нас. «...*(Все) вы - род избранный, царственное священство...*» (1Петр.2,9). В Новом Завете любой христианин **напрямую** обращается к Богу. А пресвитеры и епископы, которых по досадному недоразумению стали именовать «иереями» (жрецами) и «архиереями» (главными жрецами), отличаются от рядовых богомольцев лишь функцией – разновидностями служения. Все перед Богом равны, пресвитер

(старший) и епископ (страж порядка) являются предстоятелями (впереди стоящими) – глашатаями молитв Евхаристического собрания.

Единственным же **Архиереем** для христиан является лишь Сам Иисус Христос. Собственно об этом и сегодняшнее уставное чтение из 8-й главы послания апостола Павла христианам из евреев: «...непорочный, отделённый от грешников и превознёсённый выше небес, Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники (ветхозаветные), приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого... Мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах и есть священнодействователь святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек...» (Евр.7,26-8,1).

Обеспечить начальное формирование личности ребёнка

Итак, продолжим наш разговор о воспитании детей.

Вряд ли многие до конца осознают, что дети в наших семьях, помимо того, что это дар, еще и роскошь. Здесь наблюдается громадный разрыв с тем, о чем мы с вами будем размышлять, и стереотипными установками, господствующими в обществе. На самом деле, даже трудно себе представить сам по себе масштаб разницы между стереотипом и тем, к чему христианский родитель призван.

С другой стороны, нас это вряд ли должно удивлять. Потому как, путь Христов – это путь самоотдачи. По-идее, и наша стезя жизни также должна быть жертвенной, потому что исполнение всякой правды в своей жизни требует лишений. Посему нас не должно удивлять, что рождение ребенка предполагает жертвы со стороны родителей.

Опять же, давайте, сравним принцип вот этой жертвенности с тем стереотипом, с которым будущий родитель подходит к факту появления у него чада. Он что, рождает своего ребенка, чтобы приносить жертву?! Ну, разве если только специально промывать мозги всякого рода лекциями, то разве что на уровне умственной установки это может появиться. Если же говорить о внутренних импульсах сознания, то мы вряд ли нечто подобное обнаружим даже у вполне убеждённого христианина-родителя. Потому что в ребёнке, в факте появления младенца, слишком велико вот это естественное умиление перед тем, что произошло. Помните, Сам Господь говорит, что «когда женщина рождает, то терпит скорбь, но когда ребенок родился, она уже не помнит скорби от радости» (Ин.16,21). Так вот эта радость – она настолько мощная, что может захватить человека целиком. Так что, кроме того, чтобы поить-кормить какое-то время эту замечательную куклу, больше ничего и не хочется. А чего, собственно, ещё надо? Вот такая радость, долгожданная! Действительно, желанный ребенок – это то, к чему путь лежит через не так часто встречающуюся даже среди христиан любовь между родителями. Что может быть сильнее? Естественным образом, наверное, мало что можно представить такого, что может быть сильнее. Но по существу своего положения перед Богом, по существу своего избранничества во Христе, приходится говорить о таких вещах, как жертвенность, как творческое напряжение всей своей жизни, причём, жизни - своей.

С другой стороны, противоположная позиция вполне патологическая - «жить ради детей». То есть, ничего хуже себе и представить нельзя. Хуже, наверное, было бы только то, чтобы своего ребёнка объявить не своим. Ну, это уж такая, запредельная вещь, поэтому и не обсуждается. А вот жить ради детей - это состояние маниакальное. Жить надо ради **исполнения** на себе вот этой **тайны жизни**. И если появился ребенок, значит, эта твоя тайна жизни должна стать сферой, в которой раскрывается ещё одна. Но если **твоя** зачахнет, той - тоже конец, той - гарантирована только ущербность и несоразмеримое с естественными силами ребёнка напряжение души.

Ну, вполне очевидно, что в рамках родительского напряжения в отношении своих чад есть время, когда надо их по жизни вести, причём в этом самом главном измерении вести, чтобы они обретали значимый духовный опыт, опыт, который позволяет им вырабатывать чутье к настоящей жизни, к тому, что подлинно. Хотя пяти- или шестилетнее чадо сказать этого ни за что не сможет, а если сможет, то, значит, над ним родители издеваются, - но чутье у него есть, к тому или к другому. Также, как если у пяти- или шестилетнего чада не появились элементарные навыки воспитания, то попробуйте их привить позже! Такие, которые должны у него появиться к пятилетнему возрасту. Если же не появились и к семилетнему - это надо себе шею сломать, чтобы они появились. Потому что всякий рост, по идее, предполагает некие фазы, и если в какую-то фазу что-то не произошло, то всё, считайте, кранты, ребёнок уже ущербен. Ну, конечно, не всё так безнадежно, как с развитием навыков членораздельной речи. Можно, наверное, что-то компенсировать. Но это потребует экстренных усилий, а их и так немного. То есть вещи, когда в первую очередь вот это ведение оцениваешь ты сам, по каким-то косвенным признакам. Ведь прямых-то нет. Ребенок не может оценить того, что с ним происходит. Он впитывает, он растет, он у тебя на глазах матерееет, у него какая-то внутренняя жизнь появляется. А ты всё время должен это уметь чувствовать. Надо, с одной стороны, обеспечивать ему максимально широкий кругозор, чтобы ничего из возможного положительного опыта не прошло мимо него, чтобы всё и всяческие возможные формы настоящей жизни он успел попробовать, - и при этом чтобы до поры до времени каких-то негативных вещей в его жизни не было. И всё это, подчеркнём, должно происходить на фоне твоего личного становления как личности. Потому что придёт время, когда всё, чему ты сможешь научить своё чадо - это твой собственный пример.

Цена явления ребёнка на белый свет в семье - она вот такая, в общем виде. Дело не в обуздании чада, дело в том, чтобы самому учиться жить. Нужно содействовать принципиальной вещи: чтобы ребёнок стал взрослым, чтобы он некогда сделался учеником Христовым без нашего посредства. Причём, захотел им стать сам, не под давлением. Потому что очевидно, что под давлением учеником Христовым сделаться невозможно в принципе. Нельзя человека в Церковь пристроить. Хотя у нас каждые новопришедшие в Церковь с неизменным усердием стараются именно это осуществить в отношении своих ближайших родственников и знакомых - **пристроить** их в Церковь. Очень часто - из благих, конечно, побуждений. Поскольку они ценят то, что произошло с ними, и им кажется, что и других надо отдать в те же хорошие руки - и с ними будет то же самое. И страшно удивляются, когда это не повторяется.

На самом деле, это ведь сложное искушение - когда ты во Христе обретаешь жизнь, на-

стоящую, которую не хочется терять, - правда, не очень понятно, как её поддерживать, но сам этот светлый залог, который человек получает в своём воцерковлении, если оно настоящее, - оно его держит в Церкви, и когда человек видит, что не со всеми это происходит так, как с ним, что люди легко отказываются от дорогих его сердцу вещей, - это, конечно, тяжёлое искушение для новопросвещённого человека: ну как же так? Для меня это - новые горизонты, только жить начал, а другие этого и видеть не хотят. И тут же начинаются сомнения: может быть, и у меня ничего такого особенного не случилось, ну что такого особого со мною на самом деле произошло? Это когда схлынет океан благодати, как в половодье: поднялась вода, а потом, естественно, опустилась. Не может же это вечно продолжаться.

А представляете себе разочарование насчёт собственного чада? Кажется, что с ним должно произойти то, что ты про него задумал, всё рассчитал, перелопатив уйму книг по воспитанию детей и послушав десятки проповедей на эту тематику. Ты уже засучил рукава, готов всего себя положить на такое благородное дело, как хороший управляющий, которому такой бесценный дар вверен... А у тебя, по всей видимости, ни шиша не получается. У других без видимых усилий **такие** цветочки жизни растут - только подносы и нюхай. А у тебя - нерасцветающий одуванчик. И ты думаешь: нет, что-то тут не то, всё-таки нет справедливости на белом свете, ну нету!

И, между прочим, знаете, подобные подозрения ведь всегда будут исподволь подтачивать светлые родительские чувства, в том числе и христианину. Потому что тайна сия велика есть. Просто то, что я и сам великая тайна - мне это с годами всё очевиднее и очевиднее. И что мера глубины этой тайны, скажем, сокращается при взгляде не на себя, любимого, а на кого-то другого, пусть даже очень близкого, - это тоже бесспорно. Своя собственная глубина более очевидна. А когда это чадо, которое именно чадо, которому когда-то был год, когда-то десять, а теперь 18 или 20, - оно всё равно ещё молодое, не вполне состоявшееся, оно ещё неизвестно что принесёт и что произведёт. А тебе хочется спокойно утвердиться в том, что ты своё дело сделал, как ветхозаветный родитель. Но у тебя и **этой** роскоши нет. Ты родитель до конца жизни - жизни во Христе, и это надо помнить.

В Ветхом Завете можно было сделаться таким благостным брюзгой, почётным родителем, который в 60, а тем более в 70 лет уже сам мало за что отвечает, но пользуется плодами своих трудов. А вот христианский родитель... Ну, тут почти как в браке. Вот, у тебя должен открыться дар чувствовать вкус нового вина на губах, как мы уже об этом говорили, - когда ты уже старик, и из тебя песок сыпется, а в браке ты - вечно юный, потому что хорошее вино сберегается на конец. Точно так же и с чадом.

И если ты действительно христианский родитель, твоё чадо и в 40-летнем возрасте к тебе потянется - при условии, что оно состоялось в том числе и как христианин. Потому что если ты ему действительно смог устроить дом, в котором ему получилось осуществиться в чём-то самом главном, то он захочет повторить твой опыт, строя **свой** дом для своих детей.

Это очень важный момент. И еще важная истина: для ребёнка бывает гораздо важнее, кто ты сам есть в жизни, чего ты сам достиг, как состоялся, как реализовал себя. Гораздо важнее количества внимания и жертв, которые ты принёс ради него.